

Научная статья
УДК 80
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-2-37-103
EDN: QEAVPO

**Наименования оружия в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи»:
состав, семантика, функции**

Фения Фарвасовна Фархутдинова^{1✉}, Киеу Ань Ву²

¹Доктор филологических наук, профессор центра русистики и международного образования, Ивановский государственный университет. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

²Аспирант центра русистики и международного образования, Ивановский государственный университет. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

¹fenfar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0992-1864>

²anhvu.bk@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0007-6294-4065>

Аннотация. В художественном произведении появление слов-названий оружия, как и упоминание о нем, имеет определенные цели и выполняет важные задачи, когда оружие становится частью хронотопа, где разворачиваются дальнейшие события, важной деталью в характеристике героя (персонажа), его внешнего вида или его поведения. Нередко оно включается в сюжет произведения, предопределяя судьбы героев. Оружейная лексика – слова-названия оружия (сабля, пашка, револьвер), его деталей (курок), производимые с помощью оружия действия (стрелять) или их отглагольные дериваты (выстрел) – позволяет писателю параллельно с основной темой произведения вести оружейную тему, которая дает возможность по-новому увидеть содержание и смысл многих рассказов, понять их структуру и охарактеризовать социокультурную составляющую. Именно такой подход к оружейной теме можно наблюдать в рассказах И. А. Бунина.

Небольшой по объему материал – 17 лексем, входящих в состав семантического поля ОРУЖИЕ, – позволяет автору показать важность роли оружия в повседневной жизни того русского мира, который изображал писатель. В большинстве случаев Бунин использует оружейную лексику в номинативной функции и показывает обыденность применения самих артефактов их обладателями. Без оружия невозможна жизнь дворянской усадьбы и русского офицерства. Оружие выступает как средство наказания непослушных или давления на них, способ защиты от хищных зверей. Его используют как средство давления и ценят его эстетическую сторону. В некоторых случаях оружейная лексика содержит коннотативные семы, благодаря чему писатель показывает чуткость русского человека к семантическим различиям слов-синонимов.

И. А. Бунин показывает читателю, что в жанре рассказа действуют свои законы, отличающиеся от законов драматургии.

Обращение с оружием как средством убийства универсально и свойственно представителю любого этноса и любой культуры. Оружие несет в себе смертельную опасность для живого, отнимая жизни одних и ломая судьбы других. Каждый выстрел оставляет свой след: убитое из азарта животное или застреленный из ревности человек вызывают ответное наказание – судебное или Божье. Так, анализ оружейной тематики рассказов И. А. Бунина, проведенный под лингвокультурологическим углом, позволяет понять философию писателя.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ; рассказ; И. А. Бунин; оружейная лексика; оружейная тема; функция слова в тексте; жанровые особенности употребления слова

Для цитирования: Фархутдинова Ф. Ф., Киеу Ань Ву Наименования оружия в цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи»: состав, семантика, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 2 (37). С. 103–114. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-103>. <https://elibrary.ru/QEAVPO>

Original article

Names of weapons in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues: structure, semantics, functions

Fenia F. Farkhutdinova^{1✉}, Kieu Anh Vu²

¹Doctor of philological sciences, professor, center for russian studies and international education, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Yermak str., 39

²Postgraduate student at the center for russian studies and international education, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Yermak str., 39

© Фархутдинова Ф. Ф., Киеу Ань Ву, 2024

¹fenfar@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-0992-1864>

²anhvu.bk@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0007-6294-4065>

Abstract. The names of weapons in a literary work, as well as their mentioning, have certain purposes and perform important tasks, when weapons become a part of the chronotope, where the plot unfolds, and an important detail in characterizing the hero (character), their appearance or behavior. It is often included in the story, predetermining the fate of the characters. Weapon vocabulary – names of weapons (Russian: сабля, пашка, револьвер), its parts (курок), actions performed with weapons (стрелять) or their verbal derivatives (выстрел) – allows the writer to parallel the main theme of the work with the weapon theme which helps to see the content and meaning of many stories in a new way, to understand their structure and to characterize their socio-cultural component. It is this approach to the weapon theme that can be observed in I. A. Bunin's stories. Not much material – 17 lexemes, which are part of the semantic field WEAPONS – allows the writer to show the important role of weapons in daily life of the Russian world, portrayed by the writer. In most cases Bunin uses weapon vocabulary in a nominative function and shows the routine use of the artifacts by their owners. The life of a noble family estate and Russian officers was impossible without weapons. Weapons act as a means of punishing the disobedient or pressuring them, a way of protection from wild animals. The aesthetic side of the weapons is also appreciated. In some cases, the weapon lexicon contains connotative senses, through which the writer shows the attention of the Russians to the semantic differences of synonyms. I. A. Bunin shows the reader that the genre of the story has its own laws that differ from the laws of drama.

The use of weapons as a means of killing is universal and characteristic of any ethnic group and culture. Weapons are deadly to the living, taking the lives of some and breaking the fates of others. Every shot leaves its mark: an animal killed out of excitement or a man shot out of jealousy triggers retaliatory punishment – judicial or God's. Thus, the analysis of the weapons theme of Bunin's stories, conducted from a linguistic and cultural point of view, helps to understand the writer's philosophy.

Key words: linguistic and cultural analysis; short story; Ivan Bunin; weapon vocabulary; weapon concept; word function in the text; genre features of using the word

For citation: Farhutdinova F. F., Kieu An Vu Names of weapons in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues: structure, semantics, functions. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2024;(2):103–114. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-2-37-103>. <https://elibrary.ru/QEAVPO>

Введение

Цикл рассказов «Темные аллеи» И. А. Бунина изучен с разных точек зрения. Исследователей интересует поэтика и стилистика цикла [Щербицкая, 2008], своеобразие жанра и композиции произведения [Хунарикова, Бачалова, 2015], тема любви [Хусаинов, 2014; Богданова, 2017], особенности художественного хронотопа [Брага, 2013], интертекстуальность [Панченко 2018; Пономарев 2018], гендерная роль персонажей [Руденко, 2021] и другие аспекты. Особенно активно изучались концепты русской культуры, вербализованные средствами языка (*любовь, смерть, дом, усадьба* [Богданова, 2019; Лебедева, 2002], *природа, цвет и свет, звуки и запахи* [Фиш 2009]), а также реалии русской жизни (*имя и портрет*) [Нгуен Тхи Тхыонг, 2014], *еда* [Маслова, Косякова, 2023]. Своё описание получили одежда героев [Фам Май Фьонг, 2020] и интерьер, городское и сельское пространство и др. Осталось незамеченным оружие, о котором есть несколько упоминаний в рассказах цикла.

Оружие считается одним из важнейших феноменов человеческой культуры. Оно рассматривается как очень многогранное явление. История возникновения оружия показывает, что оно

появилось для защиты человека в мире окружающей природы: ему надо было выжить и спасти себя от диких зверей, добыть себе пропитание, защитить от врага освоенную территорию. Изучение эволюции оружейного дела и производства оружия позволяет узнать историю человечества и прийти к закономерному выводу: оружие «глубочайшим образом сопряжено с сущностью человека» [Гуревич, 1994], поэтому любой из периодов в жизни человечества связан с применением оружия. По мнению культуролога В. И. Гамова, без оружия не решаются ни политические, ни правовые, ни ценностные, ни морально-нравственные, ни религиозные проблемы. С помощью оружия формируется и сохраняется государственность. Оно является символом власти и мощи (силы), что особенно отчетливо проявляется в ходе разнообразных конфликтов и боевых действий. Но оружие не только сила, но и красота, причем красота двоякая, проявляющаяся в его оформлении, с одной стороны, и в умении им пользоваться, с другой (фехтовать, стрелять, демонстрировать выучку, статность, ловкость и другие стороны физической подготовки). Это и позволило В. И. Гамову сказать о том, что «феномен оружия тесно связан с художественным сознанием», которое его эстетизирует и либо

рассматривает как что-то прекрасное, либо оценивает как нечто самое безобразное [Гамов, 1996].

Естественно предположить, что в художественном произведении появление оружия и даже упоминание о нем могут открыть оружейную тему, которая не бывает случайной: оружие становится частью хронотопа, важной деталью в характеристике героя (персонажа), его внешнего вида или его поведения [Заславский, 1997; Заславский 2021; Филатова, Ларин, 2018]. Нередко оно включается в сюжет произведения: сказочные и мифологические герои его ищут, борются со злом и побеждают [Фрезер, 2010; Пропп, 2000], литературные герои убивают своих врагов или соперников, защищают свою честь и достоинство.

В цикле рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи» может быть выделена оружейная тема. Как представляется, она позволяет по-новому увидеть содержание и смысл многих рассказов, понять их структуру и охарактеризовать социокультурную составляющую.

Материал и методы исследования

Оружейная тема реализуется через использование в текстах рассказов слов, входящих в семантическое поле ОРУЖИЕ. Материалом для анализа послужили текстовые фрагменты со словами-названиями оружия, извлеченные методом сплошной выборки из рассказов цикла «Тёмные аллеи». Это небольшой круг слов, представленный семнадцатью (17) словоупотреблениями. К их числу отнесены гипероним *оружие*, названия видов холодного оружия *сабля, шашка, кинжал*, названия видов огнестрельного оружия *ружьё, винтовка, револьвер, пистолет, браунинг*, а также названия отдельных деталей оружия (*курок, дуло*) или оружейного снаряжения (*пуля*). Лексические единицы, служащие названиями предметов двойного назначения (*нож, ножичек*), анализу не подвергались, поскольку в текстах рассказов данные слова имеют именно орудийное значение, а не оружейное, что можно видеть в следующих примерах: «...*мать, родом какая-то княжна с восточной кровью, страдала чем-то вроде черной меланхолии. Выходила только к столу. Выйдет, сядет и молчит, покашливает, не поднимая глаз, и все перекладывает то нож, то вилку*» («Русья») [Бунин, 1966, с. 46], где *нож* – часть столового прибора, инструмент для резания, состоящий из лезвия и ручки (СУ. **Источник:** «Толковый словарь русского языка» под

редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940); (электронная **версия**): Фундаментальная электронная библиотека); «*Он что-то соскребаёт с полотна тонким ножичком <...>*» («Второй кофейник») [Бунин, 1966, с. 203], где *ножичек* – маленький ножик. Толковые словари в качестве иллюстрации этого значения приводят устойчивое словосочетание *перочинный ножик*.

В ходе анализа были использованы семантический, стилистический, лексикографический и элементы лингвокультурологического анализа.

Результаты исследования

Слово *оружие* И. А. Бунин использует лишь однажды – в рассказе «Антигона», когда описывает «удовольствия большого достатка», которые находятся в распоряжении отставного дяди-генерала и его жены. Показателями этого самого «большого достатка» становятся «легкая коляска на резиновом ходу, запряженная резвой караковой тройкой» и при ней «молодой кучер в синей поддевке-безрукавке и шелковой желтой рубахе», обширная усадьба, новый дом в два этажа, слуга в жилете и штиблетах, заносащий в дом вещи героя – молодого студента, чучело медведя, держащего в лапах бронзовое блюдо для визитных карточек, и внушительных размеров дядин кабинет «с огромным письменным столом, с огромной тахтой, покрытой туркестанскими тканями, с ковром на стене над ней, крест-накрест **увешанным восточным оружием**, с инкрустированными столиками для курения, а на камине с большим фотографическим портретом в палисандровой рамке под золотой коронкой, на котором был собственноручный вольный росчерк: Александр». («Антигона») [Бунин, 1966, с. 60]. Хорошо видно, что студент, приехавший погостить к дяде-генералу, видит и ощущает «большой достаток» в наличии таких важных для жизни вещей, как современные комфортные транспортные средства (коляска), новый двухэтажный дом и ухоженный сад, убранство помещений и комнат, наличие прислуги и её внешний вид. Составной частью этого достатка (можно предположить, обязательной частью) становится и восточное оружие как показатель высокого социального статуса владельца усадьбы и одновременно как элемент роскоши и декора. При этом вероятно и другое: хозяйка украсила стену дорогим оружием в память о годах службы генерала – как напоминание о военных кампаниях, в которых он участвовал. Предположение основано на том, что в рассказе «Антигона» оружейные артефакты выполняют

исключительно декоративную функцию (студент обратил внимание на оружие при первом посещении дядиного кабинета), а само слово *оружие* выполняет исключительно номинативную: оно используется для называния главных достопримечательностей богато убранного генеральского кабинета. Данное предположение совпадает с утверждениями историков, изучающих феномен российской усадьбы. «В барских особняках таились несметные, составленные несколькими поколениями просвещенных людей собрания книг, рукописей, картин, мебели, **оружия** (выделено авторами статьи), фарфора... Настоящие «сельские эрмитажи!»», – пишет С. Охлябинин [<https://www.booksite.ru/fulltext/ohly/abin/1.htm>].

Примерно так – как к сельскому эрмитажу – отнесся к новой усадьбе и к дядюшкиному кабинету и юноша-студент из рассказа «Антигона».

Помещичий дом – важнейшая часть дворянской усадьбы – всегда предполагал наличие в нем какого-либо оружия: холодного или огнестрельного или же того и другого одновременно. Использовалось оно с разными целями: для охоты, для защиты от диких зверей, для дуэлей, в годы крепостничества – для особых целей, например, для погони за беглецами.

О нравах помещиков-крепостников рассказывает героиня рассказа «Баллада». Машенька – маленькая сухенькая старушка-странница – в детстве была взята на услужение в господский дом. Тогда же она совершила *вояж* со своими господами в их дальнее поместье на юг России – в далекое задонское имение Крутые горы, увидела там в домовй церкви изображение волка господня и запомнила старинное предание, которое «на дворе ... слово в слово сказывали». В структуре этого предания, рассказываемого Машенькой, оружейная тема играет важную роль.

Случилась эта история «уж так-то давно», «еще при великой царице». С тех пор «все царства-государства прошли, все дубы от древности рассыпались, все могилки сровнялись с землей» [Бунин, 1966, с. 22]. Согласно преданию, старый князь провинился и впал в немилость великой царицы, потому и лютовал над своими рабами и предавался любовному блуду. Блуд, по словам Машеньки, состоял в том, что «не было ни на дворе у него (у старого князя – Ф. Ф., К. А. В.), ни по деревьям его ни одной девушки, какую бы он к себе, в свою сераль, на первую ночь не требовал» [Бунин, 1966, с. 22]. Но не только с крепостниками творил блуд старый князь. Возжелал он молодую жену своего сына, чего тот стерпеть

не смог и с женой тайком уехал из отцовского поместья. Отец пустился в погоню за беглецами. Машенька рассказывает так, будто своими глазами эту погоню видела: «Ночь, мороз несказанный, аж кольцо округ месяца лежит, снегов в степи выше роста человеческого, а ему (старому князю – Ф.Ф., К. А. В.) все нипочем: летит, весь увешанный саблями и пистолетами, верхом на коне, рядом со своим любимым доезжачим, и уж видит впереди тройку с сыном. Кричит, как орел: **стой, стрелять буду!** А там не слушают, гонят тройку во весь дух и пыл. **Стал** тогда старый князь **стрелять** в лошадей и **убил** на скаку сперва одну пристяжную, правую, потом другую, левую, и уж хотел коренника **свалить**, да глянул вбок и видит: несется на него по снегам, под месяцем, великий, небывалый волк, с глазами, как огонь, красными и с сияньем округ головы! Князь давай **палить** и в него, а он даже глазом не моргнул: вихрем нанесся на князя, прынул к нему на грудь - и в единый миг **пересек** ему кадык клыком» («Баллада» [Бунин, 1966, с. 22]. Не допустил Господь греха и покарал старого князя. Оружие князя – сабли да пистолеты – в этом повествовании выполняет свою главную функцию: используется для борьбы со своими врагами – людьми или зверями. Старый князь *стреляет в лошадей, убивает* на скаку одну из них (*пристяжных* – лошадей, которые запряжены сбоку от оглобелей для помощи кореннику), хочет *свалить коренника* – среднюю лошадь в тройке, ту, что запряжена в оглобли, а потом начинает *палить* в «небывалого волка», «с глазами, как огонь, красными и с сияньем округ головы». Глаголы *стрелять* и *палить* имеют общие семы в значении. Не случайно они оцениваются как синонимы: **стрелять** 1. вести огонь, бить; палить, бухать, бахать, бабахать (*разг.*); пулять, садить, долбать, долбить (*прост.*) /из автоматич. оружия: строчить (*разг.*) [Александрова, 1993, с. 487]. Объединяет эти глаголы синонимы общего значения – производить выстрелы

(<https://kartaslov.ru/значение-слова/стрелять>), различия кроются в оттенках значения глагола *палить*. *Палить* – это стрелять (из пушек, ружей и т. п.), а также стрелять *залпами* (МАС) или стрелять *часто*. (ТСУ). Кроме того, *стрелять* и *палить* различаются стилиевой отнесенностью: первое слово является нейтральным, тогда как второе принадлежит разговорному стилю. Они различаются и с точки зрения историко-временной характеристики: первое слово является словом активного словаря, второе мо-

жет быть охарактеризовано как устаревшее, о чем свидетельствует помета *устар.* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Итак, *палить* – это производить частые выстрелы, в том числе выстрелы залпами. Как можно предположить, стреляют и палят, чтобы убить, предупредить о чем-то или что-либо потребовать. Вспомним у А. С. Пушкина: *Пушки с пристани палят – кораблю пристать велят. Велеть* – это приказать, что отмечено всеми толковыми словарями русского языка. В предании, рассказанном Машенькой, старый князь хладнокровно, прицельно *стреляет* в коней, запряженных тройкой, и убивает двух из них, тогда как в волка он *палит*, то есть стреляет безрассудно и безрезультатно: это волк убил князя, потому что *пересек*, то есть рассек надвое (МАС) ему кадык клыком. В рассказе «Баллада» оружейная тема позволяет сделать образ старого князя ярче: он не только развратен и самолюбив, азартен и жесток ко всем – даже по отношению к близким, но он и в хорошей физической форме: ведь это он застрелил темной лунной ночью двух лошадей и готов был расправиться с третьей, но небывалый волк Господень помешал. Но оружейная тема позволяет писателю показать и Машеньку человеком точно чувствующим семантику и стилистику русского слова, бережно передающего старинную историю младшим современникам. Для Бунина-писателя это очень важно.

Герой рассказа «Таня», наезжавший время от времени в поместье тетки, однажды перед возвращением в Москву отправился на охоту. Бунин пишет: «В тот день, на прощанье с деревней, он с утра до вечера ездил верхом *с ружьем* за плечами и с гончей собакой по пустым полям и голым перелескам, ничего не нашел и вернулся в усадьбу усталый и голодный...» [Бунин, 1966, с. 92]. Это ружье, как и другое, из рассказа «Муза», предназначалось именно для охоты, а не для убийства другого человека. Муза Граф – любимая женщина героя, его гражданская жена – исчезла из поместья во время его поездки в город. Чем дальше нет Музы, тем больше героя охватывают волнение и растерянность. Он так описывает свое состояние: *Часов в десять, не зная, что делать, я надел полушубок, взял зачем-то ружье и пошел по большой дороге к Завистовскому* (ближайшему соседу, жившему неподалеку – Ф.Ф., К. А. В.), *думая: «Как нарочно, и он не пришел нынче, а у меня еще целая страшная ночь впереди! Неужели правда уехала, бросила? Да нет, не может быть!»*. Наречие *зачем-то*

имеет значение «с какой-то целью, для чего-то» (МАС <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/08/ma159414.htm?cmd=0&istext=1>). В толковании значения присутствуют неопределенные местоимения *какой-то, для чего-то*. Данные слова указывают на то, что герой многое делает машинально, вероятно, по привычке. Герой не может предположить и объяснить себе, куда могла уйти его Муза. Зимней ночью он в одиночестве отправляется в путь, идет по дороге в пустынных полях, где могут встретиться волки. Именно поэтому он и берет с собой ружье. С этим ружьем он оказывается в усадьбе соседа и входит в его темный дом. Там-то герой и обнаруживает Музу, которая, как выясняется, бросила его ради соседа-помещика. Женщина уверена, что герой пришел убить её нового любовника. Она же сама готова принять пулю и даже требует, чтобы стреляли в нее. Но ружье не выстрелило ни в Музу, ни в Завистовского. Законы драматургии не сработали в жанре рассказа. «Муза» и «Таня» – рассказы, в которых все герои остались живы, хотя Бунин включает в сюжетную линию оружейную тему.

Оружейная тема показывает разное восприятие оружия и отношение к нему мужчин и женщин. Для рассказчика ружье – спутник и защитник, надежный друг в случае опасности, для Завистовского – просто часть внешнего облика человека, отправившегося ночью в путь, а для Музы – орудие убийства, мести за измену. Похожий женский взгляд на оружие Бунин показывает и в рассказе «Руся», где пистолет вплетается в сюжет произведения. С ним связана кульминация рассказа, описывающего события далекого лета, о котором вспоминает господин из вагона первого класса. Мать Руси – «какая-то княжна с восточной кровью» – единственная женщина в рассказах цикла «Темные аллеи», которая взяла в руки оружие и даже выстрелила из него. Она ранила своего соперника, но ранила его не пулей, а корпусом пистолета: юноша бросился отнимать пистолет из её рук, она «вырвалась, ударила его *пистолетом* в лоб, в кровь рассекла ему бровь, швырнула им в него» [Бунин, 1966, с. 52]. Выстрел из пистолета, который использовался мальчиком Петей как *пугач*, то есть игрушечный пистолет (МАС), становится формальной причиной расставания Руси и репетитора и поводом к позорному изгнанию молодого человека из поместья.

Другие хозяева огнестрельного оружия в рассказах Бунина – мужчины. Один из них убивает

себя, «защищая свою честь, честь мужа и офицера», когда понимает, что его репутация запятнана. Рассказ «Кавказ» завершается так: *Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи, он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов* (рассказ «Кавказ») [Бунин, 1966, с. 16]. Любопытно, что револьверы появились в последней фразе рассказа – до этого, описывая внешность этого офицера, Бунин не упоминает о его личном оружии: герой-любовник увидел из окна вагона мужа своей возлюбленной и «был поражен его высокой фигурой, офицерским картузом, узкой шинелью и рукой в замшевой перчатке, которой он, широко шагая, держал ее под руку» («Кавказ») [Бунин, 1966, с. 16]. В этом описании отсутствует какое-либо указание на оружие, хотя современные источники утверждают, что «штатным личным оружием офицеров в Русской Армии являлась офицерская драгунская шашка обр. 1881/1909 г. с темляком из серебряных нитей, 3-х линейный револьвер системы „Наган” обр. 1895 г.» [https://vk.com/wall-44693766_131360]. Но помимо штатного личного оружия офицер мог иметь «приобретенные на собственные средства револьверы и пистолеты следующих систем: пистолеты „Браунинг” кал. 9 мм, пистолеты „Борхард-Люгер” (более известные как «Парабеллум») кал. 9 мм, автоматический пистолет „Savage”, револьвер „Смит и Вессон русский”. При этом отпуск патронов для практических стрельб шёл только на револьверы „Наган”». [https://vk.com/wall-44693766_131360]. Офицер из рассказа «Кавказ» применил личное оружие для защиты своей чести и достоинства. Но, может быть, он просто не мог жить без своей жены? Не случайно же в начале рассказа она говорит: «...он на все способен при его жестоком, самолюбивом характере. Раз он мне прямо сказал: „Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!”». Героиня, очевидно, предполагала, что муж-офицер убьет её и её любовника, но офицер сам застрелился из двух револьверов. Остаётся только догадываться о причинах этого.

В рассказе «Пароход „Саратов”» оружейная тема появляется почти в самом начале. Бунин вводит её с помощью слова *шашка* – Рубящее и

колющее холодное оружие с длинным, слегка изогнутым клинком. (МАС) [https://kartaslov.ru/карта-слова/толкование/шашка]. Один из героев рассказа – офицер, спешащий на свидание и одевающийся по форме: в майский вечер денщик подает ему летнюю легкую шинель, фуражку и шашку. Сидя в пролетке, Павел Сергеевич (так зовут героя) вспоминает о завтраке в большой офицерской компании, о нескольких часах «непрерывного питья, куренья, смеха и болтовни», но после этого завтрака он поспал, и чувствует себя отлично, и его охватывает «счастливое чувство готовности на все что угодно», потому что «просто весна и всё отлично». С этим настроением Павел Сергеевич входит в квартиру любовницы, где ведет себя как дома: скидывает шинель и бросает фуражку, отстегивает шашку. Он весь в движении, легок, быстр, весел. Он готов исполнить любое желание возлюбленной. Он весело предлагает ей отправиться на прогулку и также весело соглашается остаться с ней дома, услышав её отказ. Он весело изумляется её словам о разрыве отношений с ним и пытается понять, почему она решила вернуться к прежнему любовнику и кем сам он был для неё всё время их близости: «временной игрушкой, забавой от скуки и одним из выгодных содержателей?». Веселость исчезла, когда она сказала, что подло с его стороны напоминать о том, что она его содержанка. Вот здесь Павел Сергеевич становится резким: «– Легче на поворотах! Выбирайте хорошио ваши выражения, как говорят французы!» Офицер и подлость – несовместимые для него понятия. Он носит шашку, которая символизирует офицерское достоинство. Бунин пишет: «Он встал, почувствовал новый прилив той готовности на все, с которой мчался на извозчике, прошелся по комнате, собираясь с мыслями, все еще не веря той нелепости, неожиданности, которая вдруг разбила все его радостные надежды на этот вечер» [Бунин, 1966, с. 215].

Он пытается обдумать сложившуюся ситуацию, убедиться в том, что она не шутит. Что двигало его действиями? Ревность, обида, разбитые надежды на этот вечер; чувство собственника, теряющего своё; её попытка ударить его? Он испытывает радостную решительность, когда слышит её слова, обращенные к служанке, чтобы та выпроводила его. Показателен последний диалог героев, когда в его руке уже был «скользкий, маленький, увесистый браунинг»:

«Она покосилась, скучно усмехнулась:

- Я не любительница мелодрам.
И бесстрастно повысила голос:
– Соня, подайте Павлу Сергеевичу шинель.
– Что-о?
– Ничего. Вы пьяны. Уходите.
– Это ваше последнее слово?
– Последнее.

И поднялась, оправляя разрез на ноге. Он шагнул к ней с радостной решительностью.

– Смотрите, как бы и впрямь не стало оно вашим последним!

– Пьяный актер, – сказала она брезгливо и, поправляя сзади волосы длинными пальцами, пошла из комнаты. Он так крепко схватил ее за обнажившееся предплечье, что она изогнулась и, быстро обернувшись с еще больше раскосившимися глазами, замахнулась на него. Он, ловко уклонившись, с едкой гримасой **выстрелил** [Бунин, 1966, с. 215].

Всего несколько минут прошло со времени появления Павла Сергеевича в квартире возлюбленной. Еще меньше времени было между репликой о сказанном ею слове (– Это ваше последнее слово?! – Последнее) и револьверным выстрелом! Павел Сергеевич в этот вечер всё делал быстро: быстро принимал решения и быстро приводил их в исполнение. Шашка, которая воспринималась офицерским сообществом как атрибут офицерского достоинства, не могла стать орудием убийства женщины. А вот «скользящий, маленький, увесистый **браунинг**», уместившийся на ладони офицера, а до этого мирно лежавший в заднем кармане брюк, **выстрелил** в женщину и убил её. Жизнь героя распалась на две части: до выстрела и после выстрела. Веселый, быстрый, молодой и очень свежий офицер с блестящими глазами стал арестантом, которого везут к месту ссылки на пароходе «Саратов»: голый до пояса, с коричневым от загара телом, с наполовину обритой головой, с босыми ногами в кандалах и с лихорадочным блеском в глазах. Любовь и смерть неожиданно оказываются рядом, если чувства берут верх над разумом и в ход идет огнестрельное оружие.

В последней фразе рассказа «Генрих» выясняется причина испорченного отдыха поэта Глебова: он ожидал приезда любимой женщины – Елены Генриховны – в Ниццу, ревновал, рисовал в воображении картины мести ей и её любовнику – австрийскому писателю, издателю и понял, что она не приедет. В газете, купленной по дороге в отель, он прочитал: «Вена. 17 декабря. Сегодня, в ресторане „Franzensring“ известный ав-

стрийский писатель Артур Шниглер **убил выстрелом из револьвера русскую журналистку и переводчицу многих современных австрийских и немецких новеллистов, работавшую под псевдонимом „Генрих“**». Глебов и предположить не мог, что Генрих была мертва ко времени его прибытия в Ниццу. И русский офицер (рассказ «Пароход „Саратов“»), и австрийский писатель (рассказ «Генрих») одинаково не готовы отпустить любимую женщину и идут на крайнюю меру – убийство. Убийство своей любовницы, но при этом чужой женщины, которая хочет самостоятельно осуществлять жизненный выбор и жить по зову своего сердца и своей любви.

В рассказе «Дубки» муж убивает *свою* женщину – собственную жену. По-настоящему шекспировские страсти кипят в этом небольшом рассказе. Рассказчик вспоминает годы своей молодости, когда он в чине гвардейского корнета получил отпуск и оказался в матушкином имении. Там он влюбился в жену деревенского старосты по имени Лавр. Лавр – рослый мужик «с кирпичным лицом в темно-красной бороде, из которого легко мог бы выйти атаман шайки муромских разбойников» был вдвое старше своей красавицы-жены Анфисы, внешне имевшей больше сходства «с испанкой, чем с простою русскою дворовой». Лавр ревнив и подозревает жену в измене. Знает о его характере и сама Анфиса, когда говорит о нем: «зорок, как орел, заметит что – убьет, рука не дрогнет!». Староста отправился с ночевкой в город, а Анфиса пригласила к себе молодого корнета. Во время свидания Лавр неожиданно вернулся домой, сославшись на сильную метель. Прошло уже много лет, но в памяти рассказчика очень ярко сохранился внешний облик сельского старосты в тот момент, когда он вошел в избу: «Признаюсь, живописен он был! Велик, плечист, туго подпоясан зеленой подпояской по короткому полшубку с цветными татарскими разводами, крепко обут в казанские валенки, кирпичное лицо горит с ветру, борода блестит тающим снегом, глаза – грозным умом...».

Лавру не понадобилось оружие, чтобы убрать своего соперника – молодого барина, офицера, находящегося в отпуске. Лавр выпроваживает его из своей избы и отправляет домой: «– Уж и не знаю, сударь, как вы теперь доедете. А ехать вам давно пора, лошадь вашу всю снегом занесло, вся согнулась стоит... Уж не гневайтесь, что не выйду провожать – больно намаялся за день, да

и жену весь день не видал, а есть у меня о чем с ней побеседовать...»

Без всякого оружия он наказал свою неверную жену: удавил её «своей зеленой подпояской», что была на его полушубке, и вздёрнул Анфису «на железном крюку в дверной притолке». Не хотела Анфиса умирать, жестоочно сопротивлялась и боролась за свою жизнь: рвала Лавру бороду и выдираала из неё клочья, расцарапала мужнино лицо снизу доверху, повредила ему глаз, который сочился кровью. По этим приметам и поняли односельчане, что не «с расстройства ума» Анфиса удавилась, как Лавр им объяснил, а это он её удавил. За это и был бит плетьюми и сослан в Сибирь на каторгу.

В России, изображенной Буниным, помещики и военные имеют право на хранение и ношение оружия. Не так за границей, что показывает писатель в рассказах «Весной, в Иудее» и «Ночлег», заключающих цикл «Темные аллеи».

На востоке, в Иудее, где все напоминает о библейском прошлом и ветхозаветной истории – Иерусалим, Яфские ворота, «Улица царя Давида», «Водоем пророка Иезекииля», «Песнь песней», Суламифь, Вирсафия, жена Урия, в которую влюбился Давид, Содом и Гоморра – была весна. И та весна была для рассказчика «самой счастливой порой» его молодости. Находясь в экспедиции, он имел дела с бедуинами и посещал их стоянку.

Чтобы понять ключевые моменты данного рассказа, нужна справка из «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Евфрона. Словарь дает следующую характеристику бедуинам: *Натура у них корыстная, хищническая, вероломная; они сладострастны и мстительны до самозабвения, но в то же время трезвы, гостеприимны, даже самоотверженны, в особенности для близких им людей, и рыцарски вежливы* [https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/4134]. Бунинский рассказчик в своей истории любви подтверждает это.

Приехав в Иудею для подготовки к экспедиции в Содом и Гоморру, рассказчик-европеец знакомится с бедуином Аидом. Аид – шейх, который строго следовал принятым у бедуинов правилам этикета и соблюдал традиции, одна из которых – гостеприимство. Сам рассказчик очень точно передает все детали его первого приезда на бедуинскую стоянку и того, как бедуин Аид принял его: этикетные приветствия, рассадка гостей в шатре, приготовление угощения, прилюдное обсуждение вопросов, связанных с

работой экспедиции, и принятие решений. Законы гостеприимства шейхом Аидом были соблюдены: гость принят, накормлен в соответствии с традициями. Позднее Аид совершил ответный визит к европейцу и прибыл в Иерусалим верхом на коне, имея при себе винтовку и кинжал. Его поведение и внешний вид переключаются с информацией из словаря Брокгауза и Евфрона: бедуины «превосходные наездники, ловкие охотники, необыкновенно искусны в бросании мяча» [https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/4134]. Но гость действовал без учета традиций и вёл себя по-европейски: стал часто приезжать на стоянку и – главное – самостоятельно решил вопрос об отношениях с племянницей Аида, которая поразила европейца красотой тела, лица и необыкновенным цветом губ. С ней он потом случайно встретился в Иерусалиме и за золотой фунт купил её любовь. Любовь закончилась так же быстро, как и началась. Вот что говорит о завершении истории рассказчик: *Недели через две, когда я уезжал от Аида и отъехал уже довольно далеко, сзади меня хлопнул выстрел – и пуля с такой силой ударила в камень передо мной, что он задымился. Я поднял лошадь вскачь, пригнувшись к седлу, – хлопнул второй выстрел, и что-то крепко хлестнуло мне под колено левой ноги. Я скакал до самого Иерусалима, глядя вниз на свой сапог, по которому, пенясь, лилась кровь... Дивлюсь до сих пор, как мог Аид два раза промахнуться. Дивлюсь и тому, откуда он мог узнать, что это я покупал козий сыр у нее* [Бунин, 1966, с. 257].

Вопросы заключения брака у мусульман – ответственность шейха. Хотя у бедуинов именно женщина выбирает себе мужа, оформляет брак и сообщает о нем именно шейх. Рассказчик нарушил традиции бедуинов и не обратился к шейху за помощью, когда влюбился в его племянницу. За это гость должен быть наказан. Мстительный Аид мог это сделать и, например, убить (зарезать) его, поскольку при нем всегда был кинжал. Но законы гостеприимства не позволили бедуину убить гостя-европейца, и Аид наказал его иначе: прострелил ему колено и сделал его калекой на всю оставшуюся жизнь.

Обратим внимание на то, что в тексте рассказа говорится о том, что *выстрел хлопнул, а пуля ударила в камень*. Изучая роль человеческого фактора в языке и его осмысление рядовым человеком, мы пришли к следующим наблюдениям. *Ружьё и пуля* связаны в нашем сознании. Эта связь прослеживается, например, в русской пого-

ворке *Не пуля, а человек человека из ружья убивает*. В поговорке четко реализуется мысль, что ружьё находится во власти человека и используется для того, чтобы убивать другого. А вот пуля не подчиняется человеку и не связана с его волей: её полёт – это как бы проявление её собственной «воли». Начало полёта пули связано с действиями человека, который спускает курок, приводя механизм в действие. А сама траектория полёта пули человеком не определяется, поэтому и конечный результат полёта пули непредсказуем. Именно поэтому мы предполагаем, что в поговорке *Не пуля, а человек человека из ружья убивает* смысл складывается из сем 'управляемость' и 'причина', реализуемых в компоненте *ружьё*, и 'неуправляемость' и 'следствие', представленных в компоненте *пуля*. В паре *ружьё – пуля* главенствующая роль принадлежит *ружьё*, так как оно осознаётся как орудие, действующее по воле человека [Киеу Ань Ву, Фархутдинова, 2021]. *Пуля* же в данном обороте, как и большинстве других, осмысливается как неуправляемый элемент огнестрельного оружия: *Стреляй в куст, бог (или: пуля) виноватого сыщёт; Дурак стреляет – бог пули носит; Пуля дура, а виноватого найдёт; Пуля, выпущенная из ружья, обратно не вернется; Не всякая пуля в кость да в мясо, иная и в поле; Не всякая пуля по кости, иная и по кусту; Пуля дура: где ударит – ужалит; Куда пулю послал – туда и пошла; Пока пуля в ружье – твоя рука владыка; Виноватого найдет меткая, а не шальная пуля* и т. п. Но в этих поговорках *пуля* – активный элемент, который движется в поисках жертвы по своей или Божьей воле. Эту особенность восприятия действия пули можно объяснить рабочим механизмом ружья: в то время как ружьё всегда находится в руках человека и под его контролем, пуля летит от него с такой скоростью, что человеческие органы чувств не могут воспринимать её движение. Нередко пуля настолько свободна в своем полёте, что летит не в то место, которое изначально определялось стрелком. Конечно, свойства ружья и пули, отражённые в устойчивых оборотах, не являются объективными – они объясняются человеческим мировидением. Огнестрельное оружие воспринимается обществом как символ смерти и убийства. Не важен вид оружия (ружьё, винтовка, пистолет и т. д.): людям понятен механизм его действия и роль пули, которая несёт ранение или смерть. За всем этим скрыт человеческий фактор, так как ружьё само по себе не стреляет [Киеу Ань Ву, Фархутдинова, 2021].

Бунин показал, что в пользовании оружием (в его выборе и в мотивации применения) есть национально-специфичное, о чем европеец должен помнить всегда, если оказывается на востоке.

В рассказе «Ночлег» действие происходит в Испании. Путник-марокканец договаривается со старухой – хозяйкой постоялого двора – прислать ему на ночь девочку-сироту, старухину племянницу. Обольщение деньгами, попытка взять девочку силой не удалась, как не помогло и наличие револьвера и длинным дулом: девочку спас верный пес, который перегрыз горло марокканцу, когда тот пытался овладеть телом девочки. В данном случае представлен испанский вариант «Баллады»: животное оказывается сильнее огнестрельного оружия и вернее многих людей, даже близких по крови. Власть денег и оружия имеет свои границы, которые установлены любовью и заботой человека (девочки) и преданностью верного пса.

Заключение

Какие же стороны оружейной темы показал И. А. Бунин в рассказах цикла «Тёмные аллеи»? Несмотря на то, что количество словоупотреблений, связанных с оружием, невелико, писатель раскрыл оружейную тему широко и разнопланово.

Во-первых, он показал, что в российской культуре оружие – это важная составляющая повседневности в жизни определенных социальных групп и слоев общества. Холодным и огнестрельным оружием владели представители дворянства и офицерство. В дворянской усадьбе оружие применялось с разными целями: чтобы охотиться, защищаться от хищников, пугать птиц и других надобностей. Здесь же оно могло выполнять эстетическую функцию и служить для украшения интерьера.

Естественно, что при оружии были офицеры всех чинов, и, как выясняется, они носили огнестрельное оружие при себе (рассказы «Кавказ», «Пароход „Саратов“»).

Крестьянам иметь холодное и огнестрельное оружие не полагалось, что можно видеть в рассказе «Дубки».

Во-вторых, включение слов-названий оружия в текст рассказа не означает, что это оружие играет какую-либо роль в развитии описываемых событий. Так было в рассказе «Антигона». В рассказе «Муза» ружьё за спиной героя – деталь, которая характеризует его как личность, не способную бороться за свою любовь. И. А. Бунин

показывает своему читателю, что в жанре рассказа действуют свои законы, отличающиеся от законов драматургии.

В-третьих, обращение с оружием как средством убийства универсально. Убивает неверную любовницу герой рассказа «Пароход „Саратов”». То же самое делает австриец Шпиглер, застреливший Елену Генриховну («Генрих»). Писатель показал, что оружие может быть красивым и доставлять эстетическое удовлетворение. Оно является способом хранить память о прошлом и напоминать о нем (рассказ «Антигона»).

Но в обращении с оружием можно найти и этноспецифичные черты. Марокканец с его револьвером использует оружие для запугивания девочки, а бедуин Аид – для жестокой мести чужеземцу, который нарушил местные законы и злоупотребил гостеприимством местного населения.

В-четвертых, оружие несет в себе смертельную опасность для живого. Оно отнимает жизни одних и ломает судьбы других. Каждый выстрел оставляет свой след: убитое из азарта животное (рассказ «Баллада») или застреленный из ревности человек («Генрих», «Пароход „Саратов”») вызывают ответное наказание. Но оружие не всеильно: не случайно ни *господня волка* (рассказ «Баллада»), ни верную собаку Негру не тронули пули – эти животные сами наказали недобрых людей, вырвав им кадыки.

Библиографический список

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. 7-е изд. Москва, 1993.
2. Богданова О. А. Семиотика аллеи, «где кружат листья»: И. С. Тургенев, Н. С. Гумилев, И. А. Бунин // Усадьба и дача в русской литературе XIX–XX вв.: топика, динамика, мифология. Москва: ИМЛИ РАН, 2019. С. 148–166.
3. Богданова О. В. О сущности любви: рассказ И. А. Бунина «Темные аллеи». Интеграция наук. 2017. № 1 (5). С. 5–9.
4. Брага Н. В. Особенности художественного хронотопа рассказа И. А. Бунина «Темные аллеи». Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1 (43). С. 65–68.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений в 9-ти т. Москва: Худ. лит., 1966. Т. VII.
6. Гамов В. И. Оружие как феномен культуры. Ростов н/д., 1996.
7. Дворянских гнезд заветные аллеи: Усадьба в русской поэзии / Сост., авт. вступ. ст. Л. И. Густова; худож. А. Б. Цирков. Москва: Книга, Б. г. (1994). 221 с.
8. Заславский О. Б. Двойная структура «Выстрела». Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 122–131.
9. Заславский О. Б. Еще раз о двойной структуре «Выстрела» А. С. Пушкина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31. Вып. 2. С. 276–282.
10. Киеу Ань Ву, Фархутдинова Ф. Ф. Феномены ружья и пуля в русских пословицах и поговорках // Русский язык и культура в международном образовательном пространстве. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Иваново, 2021. С. 96–104.
11. Лебедева Т. А. Мир дворянской усадьбы в творчестве И. А. Бунина 1920–1953 гг. Череповец, 2002. 187 с.
12. Маслова Е. Н., Косякова Е. Ю. Гастрономические образы и их функции в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Язык. Личность. Культура: сб. науч. статей по итогам Всероссийской с международным участием науч.-практич. конф., посвященной 175-летию И. Я. Яковлева и 65-летию присвоения педагогическому университету имени И. Я. Яковлева. Чебоксары, 2023. С. 192–197.
13. Нгуен Тхи Тхьонг. Имя и портрет в рассказе И. А. Бунина «Муза» (цикл «Темные аллеи»). Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2014. № 4. С. 41–44.
14. Охлябинин С. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. <https://www.booksite.ru/fulltext/ohly/abin/index.htm> (дата обращения 21.01.2024).
15. Панченко Т. Ф. Интертекстуальная основа рассказа И. А. Бунина «Темные аллеи». Филологические открытия. 2018. № 6. С. 202–212.
16. Пономарев Е. Р. Интертекст «Темных аллеи»: растворение новеллы в позднем творчестве И. А. Бунина. Новое литературное обозрение. 2018. № 2(150). С. 186–203.
17. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. Москва: Лабиринт, 2000. 336 с.
18. Руденко И. А. Изменение гендерной роли женщины в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2021. № 2 (20). С. 81–83.
19. Словарь русского языка: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва, 1981–1984. (МАС).
20. Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935–1940. (СУ).
21. Фам Май Фьонг. Наименования одежды в прозе И. А. Бунина в историко-лингвистическом аспекте. Воронеж, 2019. 22 с.
22. Филатова Д. А., Ларин С. А. Пушка, пистолет и кинжалы в драме А. Н. Островского «Бесприданница» // Научный диалог. 2018. № 7. С. 213–222.
23. Фиш М. Ю. Сенсорные коды поэтики цикла рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». Воронеж, 2009. 23 с.

24. Фрезер Д. Золотая ветвь. Москва : АСТ, 2010. 768 с.

25. Хунарикова П. Х., Бачалова И. Б. Своеобразие жанра и композиции в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 4 (6). С. 226–229.

26. Хусаинов Р. З. Тема любви в «Темных аллеях» И. А. Бунина // От века к веку: Книга. Литература. Коммуникация. Журналистика. Статьи и тезисы Международной науч.-практич. конф., посвященной памяти доктора филол. наук, проф. Веры Сергеевны Сиенко. Уфа, 2014. С. 209–213.

27. Чжан Ц. Особенности темы любви и смерти в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Наука. Технологии. Инновации. Сб. науч. трудов в 11 частях. Новосибирск, 2022. С. 546–548.

28. Щербицкая И. В. Стилистические особенности цикла И. А. Бунина «Темные аллеи». Махачкала, 2008. 23 с.

Reference list

1. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo jazyka = The dictionary of Russian synonyms. 7-e izd. Moskva, 1993.

2. Bogdanova O. A. Semiotika allei, «gde kruzhat listy»: I. S. Turgenev, N. S. Gumilev, I. A. Bunin = Semiotics of the avenue «where the leaves are circling»: I. S. Turgenev, N. S. Gumilev, I. A. Bunin // Usad'ba i dacha v russkoj literature XIX–XX vv.: topika, dinamika, mifologija. Moskva : IMLI RAN, 2019. S. 148–166.

3. Bogdanova O. V. O sushhnosti ljubvi: rasskaz I. A. Bunina «Temnye allei» = On the essence of love: I. A. Bunin's story Dark Avenues. Integracija nauk. 2017. № 1 (5). S. 5–9.

4. Braga N. V. Osobennosti hudozhestvennogo hronotopa rasskaza I. A. Bunina «Temnye allei» = Specifics of the literary chronotope in I. A. Bunin's story Dark Avenues // Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2013. № 1 (43). S. 65–68.

5. Bunin I. A. Sobranie sochinenij v 9-ti t. = Collected works in 9 vols. Moskva : Hud. lit., 1966. T. VII.

6. Gamov V. I. Oruzhie kak fenomen kul'tury = Weapons as a cultural phenomenon. Rostov n/d., 1996.

7. Dvorjanskij gnezd zavetnye allei: Usad'ba v russkoj poezii = Cherished alleys of noblemen's nests: The estate in Russian poetry / sost., avt. vstup. st. L. I. Gustova; hudozh. A. B. Cirkov. Moskva : Kniga, B. g. (1994). 221 s.

8. Zaslavskij O. B. Dvojnaja struktura «Vystrela» = The dual structure of The Shot // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 23. S. 122–131.

9. Zaslavskij O. B. Eshhe raz o dvojnnoj strukture «Vystrela» A. S. Pushkina = Once again about the dual structure of Pushkin's The Shot // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija. 2021. T. 31. Vyp. 2. S. 276–282.

10. Kieu An' Vu, Farhutdinova F. F. Fenomeny ruzh'jo i pulja v russkijh poslovicah i pogovorkah = The

phenomena of rifle and bullet in Russian proverbs and sayings // Russkij jazyk i kul'tura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ivanovo, 2021. S. 96–104.

11. Lebedeva T. A. Mir dvorjanskoj usad'by v tvorcestve I. A. Bunina 1920–1953 gg. = The world of the gentry estate in I. A. Bunin's works of 1920–1953. Cherepovec, 2002. 187 s.

12. Maslova E. N., Kosjakova E. Ju. Gastronomicheskie obrazy i ih funkcii v cikle rasskazov I. A. Bunina «Temnye allei» = Gastronomic images and their functions in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues // Jazyk. Lichnost'. Kul'tura: sb. nauch. statej po itogam Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauch.-praktich. konf., posvjashhennoj 175-letiju I. Ja. Jakovleva i 65-letiju prisvoenija pedagogicheskomu universitetu imeni I. Ja. Jakovleva. Cheboksary, 2023. S. 192–197.

13. Nguen Thi Thyong. Imja i portret v rasskaze I. A. Bunina «Muza» (cikl «Temnye allei») = Name and Portrait in I. A. Bunin's story The Muse (the cycle Dark Avenues) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i filologija. 2014. № 4. S. 41–44.

14. Ohljabinin S. Povsednevnaja zhizn' russkoj usad'by XIX veka = Everyday life of the XIX century Russian estate. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/ohly/abin/index.htm> (data obrashhenija 21.01.2024).

15. Panchenko T. F. Intertekstual'naja osnova rasskaza I. A. Bunina «Temnye allei» = Intertextual basis of I. A. Bunin's story Dark Avenues // Filologicheskie otkrytija. 2018. № 6. S. 202–212.

16. Ponomarev E. R. Intertekst «Temnyh allej»: rastvorenje novelly v pozdnem tvorcestve I. A. Bunina = Intertext of «Dark Alleys»: the novella's dissolution in I. A. Bunin's later work // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 2(150). S. 186–203.

17. Propp V. Istoricheskie korni volshebnoj skazki = Historical roots of the fairy tale / nauchnaja redakcija, tekstologičeskij kommentarij I. V. Peshkova. Moskva : Labirint, 2000. 336 s.

18. Rudenko I. A. Izmenenie gendernoj roli zhenshhiny v cikle rasskazov I. A. Bunina «Temnye allei» = Changing the woman's gender role in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues // Tradicionnye nacional'no-kul'turnye i duhovnye cennosti kak fundament innovacionnogo razvitija Rossii. 2021. № 2 (20). S. 81–83.

19. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language: V 4 t. Izd. 2-e, ispr. i dop. / pod red. A. P. Evgen'voj. Moskva, 1981–1984. (MAS).

20. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory Dictionary of the Russian Language: V 4 tt. / pod red. D. N. Ushakova. Moskva, 1935–1940. (SU).

21. Fam Maj Fyong. Naimenovanija odezhdy v proze I. A. Bunina v istoriko-lingvisticheskom aspekte = Names of clothes in I. A. Bunin's prose in historical and linguistic aspects. Voronezh, 2019. 22 s.

22. Filatova D. A., Larin S. A. Pushka, pistolet i kinzhaly v drame A. N. Ostrovskogo «Bespridannica» = Cannon, gun and daggers in A. N. Ostrovsky's drama Without a Dowry // Nauchnyj dialog. 2018. № 7. S. 213–222.

23. Fish M. Ju. Sensornye kody pojetiki cikla rasskazov I. A. Bunina «Temnye allei» = Sensory codes of the poetics in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues. Voronezh, 2009. 23 s.

24. Frezer D. Zolotaja vetv' = The golden branch. Moskva : AST, 2010. 768 s.

25. Hunarikova P. H., Bachalova I. B. Svoeobrazie zhanra i kompozicii v cikle rasskazov I. A. Bunina «Temnye allei» = The unique genre and composition in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues // Aktual'nye napravlenija nauchnyh issledovanij: ot teorii k praktike. 2015. № 4 (6). S. 226–229.

26. Husainov R. Z. Tema ljubvi v «Temnyh allejah» I. A. Bunina = The theme of love in I. A. Bunin's Dark Avenues // Ot veka k veku: Kniga. Literatura. Kommunikacija. Zhurnalistika. Stat'i i tezisy Mezhdunarodnoj nauch.-praktich. konf., posvjashhennoj pamjati doktora filol. nauk, prof. Very Sergeevny Sinenko. Ufa, 2014. S. 209–213.

27. Chzhan C. Osobennosti temy ljubvi i smerti v cikle rasskazov I. A. Bunina «Temnye allei» = Specifics of the theme of love and death in I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues // Nauka. Tehnologii. Innovacii. Sb. nauch. trudov v 11 chastjah. Novosibirsk, 2022. S. 546–548.

28. Shherbickaja I. V. Stilisticheskie osobennosti cikla I. A. Bunina «Temnye allei» = Stylistic features of I. A. Bunin's cycle of short stories Dark Avenues. Mahachkala, 2008. 23 s.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 04.05.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted on 26.04.2024; approved after reviewing 04.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024